

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

5393

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

5396.

24083

X

15
N35

В. А. КЕНДЗЕРСКИЙ.

ИЗЪ КНИГЪ

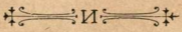
**ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА
ПРОТОИЕРЕЯ**

Д. Ѳ. КАСИЦЫНА.

№ 5396.

ЧТО ТАКОЕ ВОСПИТАНІЕ,

ВЪ ЧЕМЪ ОНО ЗАКЛЮЧАЕТСЯ

ОТЪ ЧЕГО ЗАВИСИТЬ.

9598821

Э К С К И ЗЪ

изъ приготовленнаго къ печати многотысячнаго труда, по из-
слѣдованію основаній одной изъ наиболѣе солидныхъ и не-
обходимыхъ въ практической жизни социологическихъ на-
укъ—науки воспитанія человѣческой личности.

ПРОВЕРЕНО

**ВОРОНЕЖСКАЯ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКА**

ВОРОНЕЖЪ

Типо-литографія Е. И. Гребенщиковой.

1898 г.

р1

Дозволено Цензурой Москва Апрель 1898 года.

Что такое воспитаніе, въ чемъ оно заключается и отъ чего зависитъ.

Воспитаніе есть великая зиждущая государственная сила. Такой афоризмъ—казалось бы—и безъ доказательствъ ясенъ! Но все же—всякая истина становится тѣмъ болѣе ясной, чѣмъ больше можно привести въ ея подтвержденіе серіозныхъ и дѣльных доводовъ и доказательствъ. Я и постараюсь привести здѣсь, какъ подходящія доказательства, тѣ выводы, которые я добылъ изъ историческихъ и жизненныхъ фактовъ, на основаніи моего долготѣшняго труда и опыта въ области излюбленной мною науки *воспитанія*.

Каждая живая человѣческая личность нуждается въ воспитаніи втеченіи всего своего земного существованія, т. е., отъ колыбели до гроба. Вслѣдъ за тѣмъ, каждая стадія развитія человѣческой личности—семья, общество, государство и даже необъемлемое по своей грандіозности *человѣчество* нуждается въ воспитаніи, тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе оно къ своему духовному развитію, чѣмъ ближе оно къ своей конечной цѣли—къ Богу.

Личность человѣческая, обреченная смерти на сей земной юдоли, ни на минуту не властна забыть про свое Божественное происхожденіе, про свой утраченный на землѣ удѣлъ—про, всетаки, присущее ей безсмертіе, безсмертіе ея души: не властна забыть, какъ въ силу бессознательнаго предчувствія, такъ и въ силу прирожденной ей сознательности. Могушественнѣе всего напоминаетъ ей объ этомъ—пожалуй, въ силу контраста—ничтожность, слабость ея внѣшней силы, такъ

сказать, силы физической, столь необходимой человѣку для борьбы за существованіе, для обузданія безконечныхъ числомъ, громадныхъ своею интенсивностью, враждебныхъ человѣку силъ природы, силъ, существующихъ и дѣйствующихъ безсознательно, на основаніи лишь закона необходимости. И человѣкъ, при всемъ своемъ физическомъ, тѣлесномъ, безсиліи, всетаки всегда смѣло ставилъ и ставилъ чело окружающему его сонму грубыхъ безсознательныхъ силъ, уповая лишь на слабые зародыши въ себѣ той безграничной силы, которая способна развиваться въ немъ безконечно и покорять всякую безсознательную силу, покорять её именно лишь своимъ особымъ духовнымъ свойствомъ—*сознательностью*.

Всякая жизнь, гдѣ бы она ни проявлялась, есть не иное что, какъ лишь проявленіе извѣстной силы, стремящейся къ достиженію извѣстной цѣли. Каждый живой субъектъ доказываетъ намъ это, если станемъ разумно наблюдать—путемъ науки—его жизнь и пристально слѣдить за проявленіемъ этой жизни.

Но доступная нашему наблюденію земная жизнь, состоящая лишь изъ преходящихъ, т. е. вновь появляющихся, развивающихся, гибнущихъ, исчезающихъ земныхъ явленій, сама по себѣ далеко не удовлетворяетъ человѣка: она лишь наводитъ человѣка на ту мысль, что должна быть еще иная жизнь, имѣющая больше постоянства, больше продолжительности—жизнь, не переходящая въ смерть, жизнь *безпредѣльная*. И эта-то безпредѣльная жизнь, существующая безконечно, и проявляется уже посильно въ длинномъ рядѣ (историческихъ) явленій человѣческой жизни, постоянно оставляющихъ послѣ себя слѣды въ жизни каждаго, смѣняющаго другъ друга, поколѣнія человѣческихъ личностей, сгруппированныхъ въ семьи, общества, государства, и неудержимо стремящихся, отъ общаго центра, безконечными радусами, къ безграничному горизонту, горизонту круга, объемлющаго все человѣчество.

Жизнь всего живущаго на землѣ—кромя человѣка—не выходитъ въ своемъ развитіи за предѣлы точно опредѣленнаго, какъ бы заколдованнаго круга ея нормальнаго развитія. И звѣрь, и птица, и рыба, словомъ, всякая земная тварь—втеченіи долгаго ряда прошедшихъ столѣтій своего существованія—не достигаютъ совершенства въ развитіи своей жизни, совершенства, которое бы импонировало совершенству, проявившемуся уже въ ихъ прошедшемъ. Они—и вся

ихъ психическая жизнь—появляются въ исторіи, какъ типы однообразно отчеканенныхъ монетъ, несомнѣнно носящихъ на себѣ печать *Великаго художника*... со временемъ значительно лишь уменьшаясь въ своемъ объемѣ, вырождаясь, или вовсе вымирая—и не оставляя послѣ себя потомства. А человѣкъ? Взгляните-ка на этого ничтожнаго червя—на человѣка!— (какимъ онъ является въ пору ранняго разсвѣта человѣчества) и прослѣдите, какія происходили съ нимъ метаморфозы!... съ нимъ, т. е., съ самою сутью его жизни—прослѣдите, какъ онъ, лишенный всего того, что давало всѣмъ прочимъ тварямъ земнымъ такое огромное превосходство надъ нимъ,—во что превратился онъ нынѣ??... и какую онъ сталъ играть роль въ общей жизни всей природы?!...

Жизнь природы идетъ путемъ непреложнаго, неизмѣннаго закона: всѣ индивидуумы органической жизни природы порабощены, т. е., этимъ закономъ—ему слѣдуютъ они слѣпо, безвольно, бессознательно!... Одинъ лишь человѣкъ составляетъ въ этомъ отношеніи вопіющее исключеніе. Будучи однимъ изъ совершеннѣйшихъ организмовъ природы, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, совмѣщаетъ въ себѣ, непонятнымъ образомъ, какъ крайнюю, въ ея развитіи, органическую силу, такъ и крайнее органическое безсиліе. И это безсиліе, вопреки непреложнымъ законамъ природы, есть неизсякаемый источникъ его силы, съ которой не можетъ сравниться, по ея интенсивности и ея высокимъ качествамъ, ни же ее одолѣть никакая сила природы.

Жизнь и смерть чередуются въ явленіяхъ органической природы. Но, въ области растительной и животной жизни, онѣ сливаются въ одно... въ гармоническомъ равновѣсїи. Въ жизни же человѣка—и *жизнь и смерть* звучатъ вѣчнымъ диссонансомъ!... И, взаимно отталкиваясь, постоянно сходятся вновь, съ враждебнымъ стремленіемъ одолѣть другъ друга, восторжествовать другъ надъ другомъ. И жизнь человѣка въ этой борьбѣ, обыкновенно, торжествуетъ надъ смертью, до такой степени, что она стремится покорить себѣ временность, прейти за ея предѣлы—добыть себѣ безконечное существованіе—изгнать смерть изъ предѣловъ своего бытія. Человѣкъ презираетъ смерть; природа смиренно склоняетъ предъ нею свою безотвѣтную голову; человѣкъ старается воскреснуть и не умирать уже больше; природа, хотя и съ радостною улыбкою встрѣчаетъ свое новое временное воскресеніе о

веснѣ, но она безропотно покоряется, въ поздней осени, ледящимъ объятіямъ зимы. Да. Природа живетъ иначе, чѣмъ человѣкъ: ея жизнь нельзя назвать настоящею, полною жизнью, ея смерть—настоящею, полною смертию. И жизнь и смерть природы есть нѣчто среднее, балансирующее между жизнью и смертию—онѣ у нея какъ-то сродни другъ другу... Въ природѣ жизнь переходитъ въ смерть и смерть, въ свою очередь, переходитъ въ жизнь. Однимъ словомъ жизнь и смерть природы—это лишь сонъ: природа постоянно спитъ (спитъ какъ ребенокъ), природа никогда не бодрствуетъ... Потому-то она и бессознательна: ея сознание проявляется лишь въ неясныхъ сонныхъ грезахъ—грезахъ ея жизни и грезахъ ея смерти.. Ея удѣлъ—*временность*. Лишь одинъ человѣкъ способенъ—какъ жить дѣйствительною жизнью, такъ и умереть дѣйствительною смертию... Его удѣлъ—*вѣчность*.

Воспитаніе человѣка и человѣчества имѣетъ божественное происхожденіе. Эту истину ясно и вразумительно доказываетъ библейское преданіе, которое гласитъ, что лишь одинъ человѣкъ, изъ всѣхъ земныхъ тварей, воспріялъ отъ Бога великій Божескій Даръ—*Вдохновеніе Божественнаго Духа*. Затѣмъ идея *лучаго Бога*, сохраненная въ памяти потомковъ перваго человѣка, дала, какъ одиночной личности человѣческой, такъ и всему человѣчеству ту силу, которая, одна, способна преобразовать земную никлую, слабую жизнь, жизнь, падающую подъ косою смерти, въ жизнь могучую, издѣвающуюся надъ смертию, —вѣчно одушевленную жизнь человѣческой личности!..

Какъ одиночная личность, какъ и семья, и общество, и государство, такъ точно и все человѣчество—обязаны неустойчивымъ прогрессомъ своей жизни одному лишь своему *Божественному воспитанію*. Вся исторія человѣчества показываетъ намъ, какъ, съ уменьшеніемъ *воспитательной силы*, жизнь человѣческой личности, жизнь всѣхъ стадій ея развитія, видимо, регрессируетъ: и на протяженіи всей жизни человѣчества появляются тогда темныя пятна—признаки смерти! Весь ходъ жизни человѣчества по пути ея прогресса обуславливается *воспитаніемъ*: и каждая изъ *стадій* его развитія представляетъ собою новое *воспитательное начало*. Такимъ образомъ,—семья воспитываетъ личность; общество воспитываетъ семью; государство воспитываетъ общество. И только такое сложное взаимное воздѣй-

ствіе всѣхъ, вмѣстѣвзятыхъ, *воспитательныхъ началъ* можетъ достигнуть столь желанной для человѣческой личности цѣли, т. е. можетъ воспитать человѣческую личность такъ, чтобы она была вполне способна къ стройному *единенію* съ подобными себѣ личностями—и умножила бы ту великую коллективную силу человѣческаго рода, которая дѣлаетъ родъ этотъ владыкою міра, и сама достигается лишь посредствомъ строгаго исполненія великой заповѣди Божіей—*любви ближняго*.

Въ этомъ дивномъ ходѣ жизни рода человѣческаго одиночныя его личности какъ-бы исчезаютъ, уходятъ куда-то—въ какую-то невидимую область ничтожества—подъ разрушающими ихъ ударами смерти; но лучшія изъ нихъ какъ-бы не перестаютъ жить среди живущихъ: онѣ ложатся всей своей прожитою жизнью, каждая, какъ нетлѣнныя рельсы желѣзной дороги, и образуютъ собою тотъ нерушимый путь, по которому такъ неудержимо—быстро и вѣрно—стремится поѣздъ, уносящій на себѣ родъ человѣческій въ ту безконечную даль, въ которой постоянно виднѣется животрепещущая, свѣтлая безконечная жизнь, мерцающая на безкраемъ горизонтѣ прелестными радужными цвѣтами незаходящей утренней звѣзды!...

Только совершенная гармонія функціонированія всѣхъ отдѣльныхъ личностей великой семьи человѣчества, гармонія, слагающаяся лишь силою упомянутой любви, можетъ служить ручательствомъ за сохраненіе той великой силы, которая даетъ и поддерживаетъ жизнь, истинно человѣческую, жизнь, которой никогда не можетъ быть конца! А такая гармонія достигается лишь посредствомъ самаго тщательнаго *воспитанія человѣческой личности*, воспитанія, получаемого ею во всѣхъ упомянутыхъ стадіяхъ развитія человѣчества—поочередно.

Родъ человѣческій состоитъ изъ личностей; и *личность* представляетъ собою единственный, дѣйствительно (конкретно) существующій типъ своего рода. Но родовыя личности—по качествамъ своимъ—много отличаются другъ отъ друга: онѣ далеко бываютъ непохожи одна на другую идентично—ни по единообразію, ни по количеству, силѣ и интенсивности своихъ разнородныхъ тѣлесныхъ и душевныхъ качествъ.—Вслѣдствіе чего, на пиру жизни—изъ многихъ *званныхъ* на него личностей человѣческихъ—лишь немногія удостоиваются быть дѣйствительно причастны свѣтлой радости этой безконечной жизни: это

лишь тѣ, которыя успѣли одѣться въ брачную ризу, тщательно сотканную для нихъ любящею материнскою *рукою воспитанія!*

Что же такое личность человѣческая, сама по себѣ и сама въ себѣ? Личность человѣческая, сама по себѣ и сама въ себѣ—это цѣлый, тѣсно замкнутый самъ въ себѣ, міръ; это—единственный представитель, факторъ, дѣятель жизни, выражающейся во всей ея силѣ, энергіи и могуществѣ, на безпредѣльномъ протяженіи времени и пространства,—это—олицетворенная *сознательность природы*. Главное свойство личности человѣческой есть эгоизмъ, свойство такое, которое, лежитъ въ основѣ всѣхъ способностей души человѣческой,—и этимъ представляетъ единственный источникъ *силы сознательности*. Эгоизмъ составляетъ *суть* вольной воли человѣка, дарованной ему Творцемъ, въ знакъ отличія его отъ всего *созданнаго* Имъ на землѣ. Эта-то вольная воля представляетъ собою обоюдоострый мечъ—орудіе, которымъ, въ равной мѣрѣ, добывается личность какъ жизнь, такъ и смерть—и для самой личности и для всего ее окружающаго, приходящаго съ ней въ соприкосновеніе. Да. Человѣческая личность—это продуктъ великой Творческой силы—Божества!... Божества, создавшаго ее по своему образу и подобию, обеспечившаго ее всѣми средствами, обусловливающими ея существованіе и дальнѣйшее развитіе, и давшаго ей, для достиженія этой цѣли—давшаго ей—разумъ и вольную волю. Отъ этой-то вольной воли человѣческой личности—воли, которая властна принимать или отвергать спасительное вліяніе разума,—и зависитъ ея жизнь, со всѣми ея проявленіями. Ибо эта воля даетъ направленіе жизни: влѣдствіе этой воли жизнь эта существуетъ или гибнетъ, смотря по тому, куда она станетъ держать свой путь—къ области ли свѣта, или же области тьмы. Посему окончательная цѣль, какую должны, обязаны, преслѣдовать всѣ воспитательныя начала человѣческой личности, заключатся въ тщательномъ, разумномъ и добросовѣтномъ *воспитаніи воли*. Объ этомъ хорошо знаетъ, это вполне сознаетъ и ясно понимаетъ—и семья, и общество, и государство, и церковь, которыя испоконвѣка ведутъ ожесточенную борьбу съ этой нравственной силой—съ волею—присущею человѣческой личности,—направляютъ ее на точно и строго опредѣленный закономъ истины жизненный путь. И въ этомъ-то состоитъ

главнѣйшая часть *сущи* ихъ воспитательной дѣятельности.

И подлинно: одно лишь хорошее воспитаніе человѣческихъ личностей можетъ увеличить число ихъ, достойныхъ жизни безконечной—и уменьшить тотъ громадный процентъ личностей, обреченныхъ на снѣдь смерти вѣчной—на ничтожество! Изъ этого видно, какое серіозное значеніе имѣетъ воспитаніе личности, какъ для нея самой, такъ и для всего человѣчества.

Что же такое *Воспитаніе*, само по себѣ и само въ себѣ? Это—великая нравственная сила, доставляющая и регулирующая нравственные и матеріальные средства, какія необходимы для душевнаго и тѣлеснаго развитія личностей человѣческихъ—этихъ производителей животворящей силы, свойственной и присущей одному лишь роду человѣческому.

Гдѣ же это воспитаніе—какъ сила—пребываетъ, гдѣ оно сосредоточивается, гдѣ оно концентрируется? *Пребываетъ* оно въ каждой человѣческой личности—какъ ея прирожденная способность—въ состояніи пассивномъ или же активномъ; *сосредоточивается* въ тѣхъ личностяхъ, которыя сами хорошо воспитаны, и вслѣдствіе этого достигли болѣе совершеннаго развитія, давшаго имъ возможность перейти въ высшую стадію этого развитія—и стать активными дѣятелями на поприщѣ удовлетворенія тѣхъ потребностей человѣческой личности, какія проявляются въ ней вмѣстѣ съ переходомъ ея изъ низшей въ высшую стадію развитія. *Концентрируется* же она, сила эта, называемая *воспитаніемъ*, въ самой высшей стадіи развитія человѣческой личности—въ *государствѣ*.

Это станетъ намъ болѣе понятнымъ, если представимъ себѣ такую человѣческую личность, которая во всѣхъ отношеніяхъ нуждается въ помощи личностей, болѣе сильныхъ, болѣе развитыхъ, чѣмъ она сама. Вотъ передъ нами немощный, мало развитой (физически и нравственно) членъ семьи: его воспитываетъ семья—онъ еще пассивенъ. Вотъ онъ—этотъ воспитанникъ семьи—изъ пассивнаго члена семьи становится ея активнымъ членомъ,—образуетъ новую семью и, подобно своимъ родителямъ, воспитываетъ своихъ дѣтей: онъ достигъ уже той степени развитія своей личности, какая необходима для уразумѣнія *сущи* той дѣятельности, какая обязательна для него, какъ для представителя стадіи развитія, именуемой *семья*.

Что же такое семья, сама по себѣ и сама въ себѣ? Семья, сама по себѣ и сама въ себѣ, есть самое первобытное естественное учрежденіе — разсадникъ, устроенный самимъ Богомъ для самаго первоначальнаго воспитанія человѣческихъ личностей, — этихъ членовъ общества, членовъ государства, — этихъ воздѣлывателей *вертограда*, который былъ данъ Творцемъ человѣку, на зарѣ человѣчества, какъ будущаго исполнителя премудрыхъ и пре-благихъ цѣлей Создателя міровъ.

Вотъ семьи — которыя входятъ во взаимныя другъ съ другомъ сношенія и представляютъ собою какъ-бы отдѣльныя, обособленныя коллективныя личности — вотъ онѣ чувствуютъ себя, въ виду новыхъ, невѣдомыхъ имъ дотолѣ, нуждъ и потребностей, столь же беспомощными, какъ и отдѣльныя личности внѣ семьи: онѣ нуждаются въ новомъ воспитательномъ началѣ, которое регулировало бы ихъ взаимныя отношенія, удовлетворяло бы ихъ новыя насущныя потребности — словомъ — воспитывало бы ихъ точно такъ же, какъ онѣ сами воспитывали и воспитываютъ своихъ немощныхъ, недоразвитыхъ еще членовъ. И это новое воспитательное начало образуется изъ нихъ же самихъ: выдвигаются впередъ личности, выдающіяся степенью своего семейственнаго развитія, способныя и умѣющія вѣдать и вести семейныя дѣла, — и берутъ на себя обязанности, какія на нихъ лежали прежде по отношенію къ нуждавшимся въ воспитаніи членамъ семьи. Итакъ, мы видимъ наглядно, какъ воспитанныя семьями личности образовали изъ себя рядъ новыхъ семей, — и какъ эти семьи очутились, подобно личностямъ, въ положеніи, требующемъ новаго воспитательнаго начала, — и какъ онѣ создали для себя новую стадію своего развитія. Образованное этимъ путемъ новое *воспитательное начало* называется *обществомъ* и функционируетъ въ новой высшей, болѣе сложной стадіи развитія человѣческой личности.

Что же такое общество само по себѣ и само въ себѣ? Общество само по себѣ и само въ себѣ есть именно та новая высшая стадія развитія личности, которая имѣетъ своей цѣлью — группировать въ себѣ человѣческія семьи, регулировать ихъ взаимныя отношенія и удовлетворять ихъ насущныя потребности, какъ это дѣлала семья въ своемъ районѣ.

Съ умноженіемъ обществъ — и у нихъ явились новыя потребности, которыя не могли быть удовлетворены ни тѣмъ путемъ,

ни тѣми средствами, какими удовлетворялись потребности одиночныхъ обществъ. На это снова потребовалась новая стадія нравственнаго развитія личности—и эта стадія должна была дать новое *воспитательное начало*, которое регулировало бы взаимныя отношенія обществъ другъ къ другу—и давало бы имъ то, чего они не могли дать себѣ сами: давало бы имъ тѣ воспитательныя средства, безъ которыхъ не возможно—ни благосостояніе составляющихъ эти общества личностей, ни ихъ переходъ въ болѣе высокую стадію нравственнаго развитія: къ сознанію и уразумѣнію высокой идеи общечеловѣческой жизни—*человѣчественности*. Такая стадія нравственнаго развитія человѣческой личности и есть—*государство*.

Что же такое государство, само по себѣ и само въ себѣ? Государство (въ роли болѣе высокой стадіи нравственнаго развитія рода человѣческаго—въ роли болѣе высокаго *воспитательнаго начала*) есть тотъ великій, могущественный *Воспитатель*, котораго удостоилась слабая личность человѣческая, пройдя предварительно чрезъ долгій и трудный искусь, въ области все болѣе высокихъ стадій своего развитія—въ области семьи и общества.

Таковъ историческій ходъ развитія человѣчества, развитія которое состоитъ изъ все болѣе высшихъ стадій—какъ-бы нравственныхъ особей рода человѣческаго. И между этими-то, такъ сказать, отвлеченными особями развивающагося рода человѣческаго—*личностью, семьей, обществомъ и государствомъ*—существуетъ неуклонная круговая порука: личность воздѣйствуетъ на семью, семья—на общество, общество—на государство. И обратно: государство воздѣйствуетъ на общество, общество—на семью, семья—на личность. Какое грандіозное, величественное явленіе!

Воздѣйствіе это—въ одно и то же время—катитъ свои жизненные волны—снизу вверхъ и сверху внизъ—и этимъ осуществляетъ могучую функцію воспитательнаго кровообращенія въ организмъ рода человѣческаго! При этомъ государство играетъ роль великаго вершителя судебъ народа, который оно какъ-бы созидаетъ изъ обществъ—и поддерживаетъ его жизнь своею воспитательною силою, въ которой концентрируются одиночныя воспитательныя силы—силы личности, семьи, общества: и, подъ его царственною эгидой и руководствомъ, всѣ эти воспитательныя силы, стройно и дружно, идутъ къ достиженію своей возвышенной цѣли—къ *предоставленію всѣхъ возможныхъ на землѣ благъ каждой отдельной человѣческой личности!*

Вотъ тѣ впечатлѣнія мыслящаго человѣка, впечатлѣнія, полученныя имъ отъ наблюденія *исторической жизни человечества*, впечатлѣнія, изъ которыхъ образуется представленіе, о государствѣ. Изъ этого же представленія, путемъ отвлеченія, составляется уже надлежащее понятіе о государствѣ—этой наиболѣе высокой стадіи развитія—какъ о *великой нравственной силѣ*, дарованной Богомъ народу, силѣ, которая столь могущественно поддерживаетъ жизнь миллионовъ человѣческихъ личностей и доставляетъ имъ то, въ чемъ онѣ нуждаются: доставляетъ имъ необходимое *цѣлесообразное воспитаніе!*

Только хорошо воспитанная въ семьѣ личность могла развиться до сознанія потребности новой стадіи своего развитія—стадіи общества. Точно такъ же: лишь хорошо воспитанная въ обществѣ личность почувствовала потребность новой стадіи своего развитія—и развила до сознанія потребности государства. Всѣ же недоразвитыя, всѣ дурно воспитанныя семьей, обществомъ, государствомъ человѣческія личности безусловно вредны для всеобщаго, нравственнаго и матеріальнаго, развитія рода человѣческаго: онѣ лишь только тормазятъ дальнѣйшій его прогрессъ и повергають родъ человѣчскій въ ту ужасную атмосферу продуцируемыхъ ими мѣзмовъ, которая не годится для жизни—губить ее!... Количество же этихъ зловредныхъ членовъ рода человѣческаго и бываетъ мѣрою силы и пригодности его воспитательныхъ органовъ... Количество это уменьшается и увеличивается по мѣрѣ увеличенія и уменьшенія воспитательной пригодности, т. е. умѣлости, компетентности и усердія—великихъ представителей воспитанія рода человѣческаго—семьи, общества и государства!

Изъ сказаннаго видно, какъ сложна *сущность понятія о воспитаніи*, взятomъ во всемъ его объемѣ! Я увѣренъ въ томъ, что сила, ростъ и развитіе *воспитанія человѣческой личности* прежде всего зависятъ отъ всесторонняго, основательнаго уразумѣнія надлежащаго понятія о воспитаніи, какъ о выразителѣ идеала и источникѣ той всемогущей силы, посредствомъ которой вырабатывается могущественнѣйшая изъ силъ природы—сила ума, чувства и воли личностей человѣческихъ и ихъ коллективныхъ особей—представителей все высшихъ и высшихъ стадій развитія рода человѣческаго, развитія, какъ въ области матеріи, такъ и въ области духа: а потомъ уже—отъ развитія этого понятія въ одну стройную цѣльную *идею воспитанія*, во

всѣхъ ея составныхъ частяхъ и ихъ подробностяхъ; и наконецъ —отъ практическаго осуществленія этой идеи въ дѣйствительной жизни.

Какъ ни величественны, ни могущественны, ни необходимы упомянутыя нами *начала* въ дѣлѣ воспитанія рода человѣческаго—семья, общество и государство,—выработанныя, т. ск., чисто человѣческими средствами; но, кромѣ ихъ, есть еще *особое великое воспитательное начало*, которое выше и могущественнѣе всѣхъ ихъ, т. кк. оно одно было главнымъ виновникомъ возникновенія и роста всѣхъ этихъ началъ, на протяженіи всей ихъ исторической жизни. Начало это дано человѣческому роду самимъ Богомъ, непосредственно нисходившимъ на землю съ небеси,—и потомъ принявшимъ на себя душу и плоть человѣческую—и умершимъ этой плотію на крестѣ, для того чтобы ею же воскреснуть—и даровать роду человѣческому жизнь вѣчную, —безконечную, полную славы и радости бытія! Это *великое воспитательное начало* и есть Церковь Христова на землѣ, основанная на нерушимомъ фундаментѣ и обеспеченная неодолимою силою Духа Божія и присноприсутствіемъ самого Христа. Она, всегда и вездѣ, ратовала за свободу, за счастье, за достоинство личности человѣческой: всегда была защитникомъ ея—и не позволяла поработить эту личность тѣмъ, болѣ могущественнымъ, силамъ, которыя неминуемо и послѣдовательно вырабатывались—семьею, обществомъ, государствомъ (этими болѣ развитыми особями рода человѣческаго), особями, которыя нерѣдко угнетали личность, а иногда и сводили ее на весьма низкую степень ея цѣнности и достоинства, на степень *рабства*! Церковь же всегда была единственнымъ началомъ, вполне признающимъ *равноправность* личностей человѣческихъ у подножія Креста Христова и нелицеприятно снабжала и снабжаетъ своими душеспасительными *благами* и *дарами* каждую личность человѣческую: достойную и недостойную, сильную и слабую, богатую и убогую, высокопоставленную и принадлежащую къ самымъ низшимъ общественнымъ слоямъ!—и всѣхъ ихъ считала и считаетъ равно *способными* и *правоспособными* достигнуть высочайшей на землѣ цѣли человѣческой жизни, а именно—*стать сынами Божиими* и *унаслѣдовать Царствіе Божіе на небеси*! И достиженіе людьми этой цѣли Церковь всегда видѣла и видитъ лишь въ тщательномъ цѣлесообразномъ воспитаніи личностей человѣческихъ—и всѣми силами старалась и стара-

ется дать имъ это воспитаніе, какъ непосредственно, такъ и чрезъ особое свое вліяніе на всѣ прочія воспитательныя начала (семью, общество, государство)—старается уврачевать тѣ ихъ нравственные недуги, въ какіе люди повержены злобною, завистливою силою *князя міра сего!*

Итакъ: личность человѣческая не можетъ быть хорошо воспитана внѣ семьи, общества, государства и церкви. И эти четыре великія воспитательныя начала рода человѣческаго не только не исключаютъ другъ друга (хотя каждое изъ нихъ представляетъ собою лишь послѣдовательно высшую стадію своего развитія), но они обусловливаются другъ другомъ до такой степени, что ни одному изъ нихъ другъ безъ друга существовать не возможно. Мыслимо-ли государство безъ общества? мыслимо-ли общество безъ семьи? мыслима-ли — наконецъ и прежде всего — сама личность безъ благодѣтельнаго на нее воздѣйствія, — при облагораживающемъ вліяніи церкви, — всѣхъ ея воспитательныхъ началъ — порознь и вмѣстѣ?... Потому-то каждая противусемейная, противобщественная, противгосударственная, противурелигіозная мысль человѣческой личности, приводимая ею въ исполненіе, осуществляемая ею въ жизни, представляетъ собою смертный приговоръ для нея же самой, приговоръ, уничтожающій эту личность, какъ неспособную для свѣтлой, счастливой, безпредѣльной человѣческой жизни!...

Въ заключеніе же я долженъ сказать: *воспитайте лишь хорошо личность человѣческую—дайте ей, развейте въ ней необходимыя для ея жизни силы—и вы этимъ вполне обезпечите прогрессъ, безконечный прогрессъ жизни всего человечества!* Тогда не погибнетъ ни семья, ни общество, ни государство—эти три великія воспитательныя начала рода человѣческаго, выработанныя симъ послѣднимъ въ теченіи столь многихъ вѣковъ, выработанныя—говорю—посредствомъ отчаянной борьбы, коей арена полита потомъ и кровью милліоновъ человѣческихъ личностей и устлана костями падшихъ честно въ этомъ великомъ бою со смертію, бою безчисленныхъ поколеній рода человѣческаго! Но помните, что этотъ родъ могъ вести свою вѣковую борьбу успѣшно, лишь подъ руководствомъ своего наиболѣе высокаго воспитательнаго начала—подъ руководствомъ церкви и при ея неусыпномъ воздѣйствіи на нравственность, какъ отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, такъ и на ихъ прочія *воспитательныя начала*—семью, общество, государство! Только подъ эги-

дою Креста Христова и могла выработаться въ челоѣчествѣ та устойчивость въ стремленіи къ осуществленію на землѣ жизни лучшей, доступной каждому, полной блаженства и не имѣющей конца!.. какъ его не имѣть и не будетъ имѣть Царствіе Спасителя нашего—Бога-челоѣвка! Вотъ свѣтлая, благотворная дѣятельность церкви, какъ высшаго воспитательнаго начала рода челоѣческаго на землѣ! И вся жизнь челоѣчества, равно какъ и его благосостояніе, его счастье, всегда находились и находятся въ прямой зависимости отъ благотворнаго вліянія церкви на *прогрессъ воспитанія рода челоѣческаго*. И если окрѣпшее подъ могучею сѣнью церкви и возгордившееся своею силою челоѣчество вздумаетъ когда-либо уклониться отъ божественнаго руководства *своего ангела хранителя*, то оно тотчасъ же почувствуетъ зловредный регрессъ своей жизни: какъ этому видимъ доказательства и примѣры въ жизни каждаго историческаго народа, который, съ утратою своей религіозности, терялъ вмѣстѣ и свое могущество, и свою славу, и даже свое политическое существованіе, и, наконецъ, свое величайшее благо—свою народность! И если представители новаго просвѣщеннаго времени и кичатся своими великими, небывальными дотолѣ пріобрѣтеніями въ области наукъ естественныхъ, соціальныхъ и философскихъ; то имъ отнюдь не слѣдуетъ забывать того, что всѣмъ этимъ прогрессомъ развитія челоѣческихъ способностей и силъ *личности* они всецѣло обязаны лишь *воспитанію рода челоѣческаго*, имѣвшему мѣсто во всемъ его историческомъ прошломъ: слѣдовательно—всѣмъ тѣмъ *великимъ воспитательнымъ началамъ*, кои поработали на пользу челоѣческой личности—*всѣ вмѣстѣ выполнить старались лишь то, что имъ было завѣщено Великимъ Воспитателемъ челоѣчества!* Даже и само стремленіе дать челоѣческой личности полную свободу не можетъ и не должно быть приписано изобрѣтательности и инициативѣ духа новаго времени. Ибо настоящая, дѣйствительная инициатива свободы челоѣческой личности ведетъ свое начало съ того времени, съ той знаменительной минуты и великаго момента, когда распятый на крестѣ Богъ-Челоѣкъ умеръ плотію, дабы *санкціонировать* свое великое ученіе любви и свободы;—любви и свободы, которыя, долженствуя быть неразлучными въ жизни челоѣческой, однѣ лишь могутъ навести на путь къ вѣчному, нескончаемому счастью и блаженству, недоступному (по словамъ апостола Павла) даже пониманію челоѣческаго ума и превосходящему всѣ самыя

пламенные желанія и самыя невѣроятныя надежды человѣческаго сердца!...

Вотъ мой скромный взглядъ на воспитаніе; вотъ посильное резюме моихъ долготѣтныхъ научныхъ трудовъ и моихъ личныхъ наблюденій надъ жизнью человѣческихъ личностей, сгруппированныхъ въ семьи, общества государства; вотъ къ чему меня привело мое ознакомленіе съ прошедшею и настоящею жизнью рода человѣческаго; хотя и узналъ я эту жизнь лишь настолько, насколько она была для меня доступна по тѣмъ историческимъ источникамъ, какіе имѣлись у меня подъ рукою, и по тѣмъ жизненнымъ фактамъ, которые совершались предъ моими глазами. Конечно, научныя мои изслѣдованія я производилъ лишь на разстояніи весьма короткаго радіуса моей научной компетенціи и ограниченнаго горизонта моего умственного развитія!... Но, несмотря на то, я глубоко увѣренъ въ правдивости самаго направленія моихъ взглядовъ и въ непогрѣшимости того пути, который я избралъ для опредѣленія той исходной точки зрѣнія, съ которой удобнѣе и вѣрнѣе всего можно и слѣдуетъ обозрѣвать *великую науку воспитанія!* Кто знаетъ больше—пусть дополнитъ пробѣлы моихъ скудныхъ знаній! Кому покажется мой взглядъ на *жизнь* и на *воспитаніе* неяснымъ—пусть выскажетъ свой, болѣе ясный, болѣе компетентный, болѣе близкій къ истинѣ взглядъ!... и я ему буду за это нескончаемо и нелицемѣрно благодаренъ! *ибо онъ этимъ подвинетъ дальше, впередъ, едва еще зарождающуюся у насъ науку воспитанія! и выведетъ меня изъ мрака заблужденій.*

Опять же! хотя моя точка зрѣнія для меня и дорога—и хотя мнѣ тяжело пришлось бы расстаться съ нею, т. кк. ея добытіе не далось же мнѣ даромъ... и безъ своего рода усилій и труда!... и я, по простотѣ душевной, считалъ ее за нормальную—и весьма для себя удобно обозрѣвалъ изъ нея тотъ чудный *идеалъ воспитанія*, который вполне удовлетворялъ меня до сихъ поръ: но я не смѣю пропагировать непогрѣшимости моего взгляда!—*Tempora mutantur—et nos mutamur in illis: вѣкъ живи—вѣкъ учись!*... Я же никогда не прочь поучиться чему-нибудь разумному и полезному: и всегда готовъ преклонить предъ *таковымъ* мою старческую, м. б., полную заблужденій голову!

В. А. Кендзерскій.

me

U 15
K K35